

УДК 091

**КОНЦЕПЦИЯ РАННЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ М.К. ПЕТРОВА
В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО АНТИКОВЕДЕНИЯ****M.K. PETROV'S CONCEPT OF EARLY GREEK PHILOSOPHY
IN THE CONTEXT OF THE EUROPEAN CLASSICAL STUDIES****М.Г. Подгорная
M.G. Podgornaya***Южный федеральный университет, Россия, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russia**E-mail: m.podgornaya@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы изучения ранней греческой философии, в частности: проблема доксографических свидетельств, проблема истолкования Аристотелем и проблема интерпретации современными авторами. Также представлены конкретные антиковедческие концепции европейских авторов начала XX века и рассматриваемая на их основе концепция ранней греческой философии М.К. Петрова.

Resume. The article reviews the study of Early Greek philosophy's problems, such as: the doxographic evidence's problem, the Aristotle's interpretation problem and the modern author's interpretation problem. Also presented the concepts of European classical scholars of early twentieth century and based on it M.K.Petrov's concept of Early Greek philosophy.

Ключевые слова: античность, досократики, раннегреческая философия, доксография, антиковедение, интерпретация, первоначало, миф, наука.

Keywords: Ancient Greece, Pre-Socratics, Early Greek philosophy, doxography, classical studies, interpretation, the origin, myth, science.

Для каждого крупного периода в истории философии мы можем выделить ряд основополагающих понятий, которые составляют категориальный аппарат философов избранной эпохи. Для примера, не проводя глубоких исследований, можно сказать, что для Нового Времени это категории: познание, разум, чувства, интуиция, дедукция, индукция; для Средневековья это: Бог, вера, разум; для Сократического периода античной философии: человек, добродетель, справедливость, мера, гармония, а для досократического: первоначало, космос, природа, дух и беспредельное. Но понимаем ли мы данные категории так же, как философы указанных периодов?

Чем дальше во времени расположен от нас исследуемый период, тем сложнее работать с его категориальным аппаратом. При работе с книгами, посвященными ранней греческой философии, в большинстве случаев мы принимаем на веру тот вариант трактовки того или иного понятия, который избрал в качестве оптимального конкретный автор, но даже небольшое изменение смыслового поля одного понятия, относящегося к разряду ключевых, определяет всю последующую интерпретацию. С текстами досократиков и о досократиках работать сложно. Кто-то из них совсем не писал работ, кто-то известен лишь фрагментарно, а о ком-то мы знаем только из доксографии, начало которой как жанру положили «Мнения физиков» Теофраста ученика Аристотеля.

Но со свидетельствами Аристотеля связан отдельный комплекс проблем, который тоже стоит отметить. Как пишет в своей первой кандидатской диссертации М.К. Петров: «...остается все же фактом, что единственный надежный материал, которым мы располагаем, сохранен Аристотелем и его школой. И любая реконструкция, любое дополнение, исправление оказывается не менее спорными, чем сама аристотелевская трактовка. Единственное, что в этих условиях может быть сделано, – это учет взглядов самого Аристотеля, подход к материалу как к продукту аристотелевской селекции» [10, с.94-95].

Даже со скидкой на Аристотеля цепочка кажется не очень длинной – досократики, доксографы, мы –, но откуда мы знаем о доксографии? Не каждый, изучающий раннюю греческую философию, имеет филологическую подготовку, чтобы работать непосредственно с текстами на древнегреческом. Таким образом, неизбежно использование перевода. С переводом доксографии дело обстоит еще сложнее, чем с самой доксографией. До начала XX века так и не произошло комплексного сбора и систематизации доксографии, а так же их последующего перевода на один из современных языков. Были переводы крупных отрывков, разрозненных свидетельств, но лишь частично. В 1903 году, в период расцвета антиковедения как самостоятельной дисциплины, из Германии под именем «Фрагменты досократиков» Германа Дильса явилось решение данной про-

блемы. Дильс ввел и сам термин «доксографы», а при подборе материала упор делал на упомянутого ранее Теофраста. Что до перевода Дильса на русский, то в 1914-1919 такую попытку совершил в своем труде «Досократики» А.О. Маковельский, в нем были ошибки и неточности, но это стало первым шагом к осмыслению ранней греческой философии в нашей стране.

В определенный момент, когда интерес к античности в России достиг пика, отечественные исследователи классической философии осознали необходимость нового, современного перевода, который был бы на уровне последних переизданий сборника Дильса, а так же был бы дополнен материалами, которые немцы туда не включили. Такое издание к 1989 году подготовил Андрей Валентинович Лебедев и выпустил Институт философии РАН [11]. Теперь цепочка получилась длинной, что еще раз доказывает – чем сложнее вопрос, тем больше на него самых разных ответов.

Таким образом, мы рассмотрели проблему античной философии как таковой, но за ней следует проблема метауровня – проблема конкретных антиковедческих концепций. По нашему мнению, наиболее показательным будет практическое исследование данной проблемы через одну из наиболее сложных узловых точек – раннюю греческую философию в момент ее зарождения на примере концепции Фалеса Милетского о первоначале.

Согласно тому, что дошло до нас о Фалесе от античных авторов: «Началом всех вещей он полагал воду, а космос – одушевленным (живым) и полным божественных сил» [11, с.101] рассказывает Гераклид Понтийский. Тоже пишет и Гесикий Милетский в «Схолиях к Платону». Аристотель пишет в «Метафизике»: «...большинство первых философов считало началом всего одни лишь материальные начала (...). ...Фалес – основатель такого рода философии – утверждал, что начало – вода (...). К этому предположению он, быть может, пришел, видя, что пища всех существ влажная и что тепло возникает из влаги и ею живет, а то, из чего все возникает – это и есть начало всего. Таким образом, он именно поэтому пришел к своему предположению, равно как потому, что семена всего по природе влажны, а начало природы влажного – вода» [1, с.71]. Так же свидетельства о том, что Фалес полагал воду началом всех вещей приводятся у позднеантичных авторов Ипполита, Симплиция и Сенеки [11, с.101].

Аристотель в своем трактате «О душе» также упоминает Фалеса: «[Из предшествующих философов одни исходят из концепции души как принципа движения, другие – как принципа ощущения и познания]. По-видимому, и Фалес, по тому, что о нем рассказывают, считал душу способной приводить в движение, ибо утверждал, что магнит имеет душу, так как движет железо» [2, с.378]. Очень интересен комментарий к этому месту Иоанна Филопона: «Его [Аристотеля] упоминание о мнении Фалеса производит нескладное впечатление... Излагая воззрения тех, кто исходил из концепции души как принципа движения, он говорил, что каждый из них полагал элементом души тот элемент, который представлялся ему наиболее подвижным... однако относительно мнения Фалеса, полагавшего началом вещей воду, он также не сказал ничего подобного. Так, например, он не сказал, что Фалес полагает душу водой и поэтому утверждает, что магнит притягивает железо, так как состоит из воды. Вместо этого он сказал лишь, что Фалес считал магнит одушевленным. Почему?» [11, с.114]. Также о непосредственной связи души и воды в учении Фалеса говорится у Цицерона и Апония.

Указанные доксографические свидетельства исчерпывают наши знания в области того, что говорил Фалес о первоначале. Очевидно, что уже на данном «первом» уровне познания, трактовка становится проблематичной. Данные проблемы переносятся и на «второй» уровень и вносят значительные коррективы в конкретные антиковедческие концепции. Для примера мы продемонстрируем сравнение интерпретаций данной концепции. Сначала это будет европейское антиковедение в лице тех авторов, на чьих работах строится используемая нами работа М.К. Петрова [10], кого он сам приводил в качестве иллюстрирующих примеров, и основные работы большинства из которых до сих пор не переведены на русский язык, а в итоговой части мы рассмотрим концепцию самого М.К. Петрова

Один из наиболее видных исследователей раннегреческой философии в Великобритании в начале XX века Джон Бернет в своей до сих пор не переведенной на русский язык работе «Ранняя греческая философия» [13] пишет, что из того, что мы находим у Аристотеля, можно вывести три пункта:

1. Земля плавает на воде.
2. Вода – материальная причина всех вещей.
3. Все вещи полны богов, (ссылаясь на утверждение о магните) [13, с.34].

В данной книге в разделе посвященном Фалесу, есть отдельный пункт под названием «Вода», в котором Бернет приходит к выводу, – попытаться понять теорию Фалеса можно рассматривая ее с той точки зрения, что он исходит из метеорологических интересов, так как не сложно увидеть, как подобный интерес привел Фалеса к такому взгляду. Автор объясняет это тем, что из всего известного нам, вода кажется тем, что наиболее расположено к принятию самых разнообразных форм. Так она и жидкость, и твердь, и пар, поэтому Фалес мог думать, что перед его глазами проходит мировой процесс, когда из воды все исходит и в воду возвращается. Сентенция о том, что все в мире полно богов не находит у Бернета точного доксографического разъяснения. Но он допускает, что вполне возможно, вода звалась у Фалеса богом [13, с.35].

Френсис Макдональд Корнфорд, современник и соотечественник Дж. Бернета, ни одна работа которого так же все еще не издана на русском языке, в одном из своих трудов пишет, что вода Фалеса – душевная субстанция. Позиция Фалеса – вода как воплощение $\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$ [15, с.41]. В другой работе он цитирует принадлежащую Фалесу фразу «Все вещи полны богов» и объясняет ее тем, что конечная природа вещей идентифицируется Фалесом с водой. Ссылаясь на Аристотеля, Корнфорд пишет, что Фалес один из тех, у кого душа представляется пронизывающей вселенную, вот почему он говорит, что все вещи полны богов [16, с.145].

Вернер Йегер, немец по рождению, британец по образованию и американец по принадлежности к академической философии пишет: «Все натурфилософы потрясены зрелищем становления и гибели вещей. Но что есть то неисчерпаемое, откуда все возникает и куда уходит вновь, погибая? Фалес полагает, что это вода, которая испаряется, превращаясь в воздух, или замерзает до состояния твердого тела, практически камня. Из влаги происходит все живое в мире. Ее способность к метаморфозам бросается в глаза. Нелегко сказать, чем учение гомеровского поэта о том, что Океан есть начало всех вещей, отличается от учения Фалеса, у которого взгляд на воду как на исходный принцип мира, вне всякого сомнения, определялся, в том числе и наглядным представлением о неисчерпаемом мировом Океане» [7, с.101]. Йегер рассматривает мифотворческое мировоззрение, как фактор не перестающий воздействовать на область «научной» философии, во многом ее определяющий, и являющийся единственным ключом к пониманию нами «удивительной мировоззренческой продуктивности этого древнейшего периода в развитии науки». [7, с.101]

У Эдуарда Целлера, известного немецкого исследователя греческой философии мы находим, что натурфилософский этап греческой философии – это «первые попытки научного творчества» [12, с.34] и что «Первую попытку научного миропостижения предпринял среди греков Фалес из Милета (...), древнеионийские философы спрашивают, какова материя, из которой составлен мир, и как он возник из нее» [12, с.42]. Целлер связывает попытку найти немифологический ответ о последних основах вещей с математическими изысканиями. Описывая концепцию Фалеса, он подробно анализирует доксографию в переводе Дильса, и пишет, что «...он признал воду веществом, из которого все возникло и все состоит; он говорил также, что Земля плавает, подобно куску дерева, на воде, и этим объяснял ее устойчивое пребывание в центре мира». [12, с.44]

Пытаясь размежевать подтвержденные свидетельства и интерпретацию Аристотеля, Целлер заключает, что тот высказывает лишь догадку о том, что Фалес «не объяснял точнее, каким способом вещи возникают из воды; по всей вероятности, он представлял себе, что с веществом непосредственно связана действующая сила, и саму эту силу мыслил в духе древней религии природы, как нечто аналогичное человеческой душе, на это указывают также его изречения, что все полно богов и что магнит имеет душу (т.е. жизнь), так как притягивает железо. Таким образом, он представлял себе вещество живым и одушевленным. (...) Мнение, что он решительно отличал мирообразующую силу, в качестве божества или духа, или мировой души, от вещества, – не может быть допущено. (...) Эта теория вообще положила начало научному объяснению мира» [12, с.44].

Какие выводы следуют из приведенного выше анализа? В первом случае мы видим явную оппозицию воды как, в первую очередь, материальной причины у Бернета и как душевной субстанции у Корнфорда. В это же время на другом конце земного шара Йегер приходит к выводу, что натурфилософская доктрина Фалеса – это новая форма мифа, а Целлер характеризует ее как первую научную теорию. Работая с досократиками, мы должны помнить, что любой комментатор имеет дело с одним и тем же небольшим количеством свидетельств о них, т.е. авторы строят различные концепции на основании одних и тех же материалов.

Концепция Михаила Константиновича Петрова, представленная в работе «Проблемы детерминизма в античной философии классического периода» [10], строится на базе его собственного перевода некоторых доксографических свидетельств, на переводе работы Дильса, а также работ упомянутых ранее авторов и еще ряда значительных произведений, прочитанных им в оригинале. Исследуя раннегреческую философию, Петров помимо исторического аспекта задает социокультурный фон. Известным фактом является то, что он был приверженцем конкретно-исторического подхода к античности – научного принципа, строящегося на признании исследователем того, что изучаемый исторический период уникален по своей природе, и не смотря на существование черт, объединяющих его с другими, он всегда отличается от них, и данные отличия являются основой понимания процесса его развития.

Здесь следует отметить, что свою позицию Петров обосновывает через последовательную критику устоявшихся подходов. Он говорит о том, что попытки исследовать древность очень часто выливаются в поиски собственных «предшественников», ведут к модернизации взглядов древних, подгонке их под изобретенный исследователем стандарт. И о том, как важно быть точным в понятиях и осознавать значение каждого слова, приступая к выявлению и последующей артикуляции исследуемой проблемы [10, с.31-33].

Касательно рассматриваемой нами проблематики, Петров пишет о Фалесе: «На первый взгляд, основное, более или менее достоверное положение Фалеса: «Вода есть начало всего», – дает нам слишком мало. Более того, многими отрицается приоритет Фалеса в постановке такого вопроса. Источник этого положения ищут либо у предшественников – у Гомера и Гесиода, либо же вне Греции, на Востоке...» [10, с. 95]. Тем не менее, мнение самого Петрова таково: «Положение Фалеса «Вода есть начало всего» достаточно определенно отмечено печатью принадлежности к

философии; в нем мы впервые встречаем постановку вопроса во всеобщем, универсальном плане» [10, с.96]. Петров поясняет философскую компоненту таким образом: «Новизна здесь не в воде, а в тех функциях, которые аналогичны роли денег в обмене – Фалес решительно разрывает со сложившейся мифологической системой определения через знак и вещь, переходит к обычному научному его типу. И результат самого Фалеса превосходит миф в том отношении, что заключает в себе перспективы дальнейшего развития» [10, с.96]. Дальнейшее развитие Петров усматривает в следующем взаимоотношении: «Вода – естественная и искусственная знаковая чувственность истинно философское нововведение – вода как знак опредмечивающий всеобщее. Так, Фалес говорит о богах, но они у него уже не есть личные существа, а лишь свойства мира» [10, с.98].

Анализируя античную мысль, Михаил Константинович Петров делает ссылки на работы классиков марксизма и усматривает основы досократических учений в товарно-денежных отношениях, но, тем не менее, приходит к нетрадиционным для советского периода выводам. Он говорит о мифе как о логико-знаковой структуре, которая не может рассматриваться ни в качестве религиозной, ни научной, ни философской. Говоря о возникновении философии в античности, Петров выдвигает тезис о том, что мы не можем говорить о ранней греческой философии ни как о мифе, ни как о религии, но можем как о начале науки – и здесь просматривается европейская позитивистская позиция. Говоря о материализме и идеализме натурфилософов, он соглашается с определением Энгельса Ионийской философии как стихийного материализма, но при этом говорит, что «бытие» Парменида под определенным углом тоже может рассматриваться как материальное начало, а понимание диалектики Гераклита также изменчиво в зависимости от позиции рассматривающего.

Совершенно справедлива здесь оценка концепции Петрова, даваемая в статье «Античная историография» [9] профессором Института философии Российской Академии наук Александром Павловичем Огурцовым, который говорит о культурно-историческом подходе, основанном на применении методов семиотики, как о представленном, прежде всего, в фундаментальных работах А.Ф.Лосева и М.К.Петрова. Огурцов пишет: «В советской историко-философских исследованиях существовали различные подходы к античной мысли: наряду с ортодоксальной интерпретацией ее как борьбы материализма и идеализма (например, у М.С.Дынника, В.Ф.Асмуса), были представлены и принципиально иные подходы: для М.К.Петрова, выступившего с критикой этой концепции, античная мысль связана с формированием универсального кода культуры – философии свободного, самосознающего человека» [9, с. 11]. Хотелось бы отметить здесь самобытность и несводимость к какому-то стандарту, широту мышления М.К. Петрова. Абсолютно нетипично для советского периода то, каким инструментом в его руках становится конкретно-исторический подход.

Первая кандидатская диссертация М.К. Петрова коренным образом повлияла бы на развитие исследований в области античности советского периода, увидев свет в 1959 году, когда она и была написана, даже современное российское антиковедение в результате ее публикации выглядело бы иначе. Полноценные статьи о европейских авторах, активность которых приходилась на начало XX века, начинают появляться у нас в стране только в конце 80х годов, так первым и на долгое время единственным источником, где хотя бы кратко описывались концепции представленных выше Дж.Бернета, Фр.М.Корнфорда, В.Йегера и Э.Целлера была монография Г.В.Драча [5], изданная в 1987 году.

Список литературы References

1. Аристотель. Метафизика. Аристотель. Сочинения. Том 1. – М., 1976.
Aristotle. Metaphysics. Aristotle. Works. Volume 1 - М., 1976. (in Russian)
2. Аристотель. О душе. Аристотель. Сочинения. Том 1. – М., 1976.
Aristotle. On the soul. Aristotle. Works. Volume 1 - М., 1976. (in Russian)
3. Вольф М.Н., Берестов И.В. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии. – Опубликовано в журн.: СХОАН Vol. I.2, Новосибирск, 2007.
Wolf M.N., Berestov I.V. Problem approach to the study of ancient Greek philosophy. - Published in the journal: СХОАН Vol. I.2, Novosibirsk, 2007. (in Russian)
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: «Мысль», 1986.
Diogenes Laertius. On the life, teachings and sayings of famous philosophers. - М.: «Thought», 1986. (in Russian)
5. Драч Г.В. Проблема человека в раннегреческой философии. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского государственного университета, 1987.
Drach G.V. The problem of a man in Early Greek philosophy. - Rostov-on-Don: Rostov State University Press, 1987. (in Russian)
6. Жмудь Л.Я. Переписывая доксографию: Герман Дильс и его критики. – Опубликовано в сб.: Историко-философский ежегодник-2002, М., 2003, стр. 5-33.
Zhud L.Y. Rewriting doxography: Hermann Diels and his critics. - Historical and Philosophical Yearbook 2002, Moscow, 2003, p. 5-33. (in Russian)
7. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Том 1. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001.
Jaeger W. Paideia. Education of the ancient Greeks. Volume 1. - М.: Y.Shichalin's Greco-Latin study, 2001.

8. Лебедев А.В. Избавляясь от «Досократиков». – Опубликовано в сб.: Философия в диалоге культур. Всемирный день философии. Материалы., М.: «Прогресс-Традиция», 2010, стр. 177–183.
Lebedev A.V. Getting rid of «Pre-Socratic». - Philosophy in the Dialogue of Cultures. World Philosophy Day. Materials., М.: «Progress-Tradition», 2010, p. 177-183. (in Russian)
9. Огурцов А.П. Античная историография. – Опубликовано в журн.: «VOX» №3, 2007, стр. 1-13.
Ogurtsov A.P. Ancient historiography. - Published in the journal: «VOX» №3, 2007, p.1-13. (in Russian)
10. Петров М.К. Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2015.
Petrov M.K. Problems of determinism in Ancient Greek philosophy of the classical period. - Rostov-on-Don: Southern Federal University Press, 2015. (in Russian)
11. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – М., 1989.
Fragments of the Early Greek philosophers. Part 1. From epic teokosmogony to the atomic theory. - М., 1989. (in Russian)
12. Целлер Э. Очерк истории греческой философии. – Санкт-Петербург: «Алетейя», 1996.
Zeller E. Essay on the history of Greek philosophy. - St. Petersburg: «Aletheia», 1996. (in Russian)
13. Burnet J. Early Greek Philosophy. 3rd edition. – London: A&C Black, 1920.
14. Burnet J. Greek Philosophy: Thales to Plato. – London: MacMillan, 1914.
15. Cornford F.M. From Religion to Philosophy. A study in the origins of western speculation. – New York: Harper & Brothers publishers, 1957.
16. Cornford F.M. Greek Religious Thought from Homer to age of Alexander. – Cambridge, 1923.
17. Cornford F.M. Was the Ionian Philosophy Scientific? – Journal of Hellenic Studies Vol. LXII, 1942.